

УДК 821.161.1

СВАДЕБНЫЙ МОТИВ В РОМАНЕ «КЫСЬ» ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

© 2014 Е.А. Аверьянова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 30.01.2014

Аннотация: Статья посвящена творчеству одного из наиболее ярких представителей современной прозы – Татьяны Толстой и представляет собой анализ романа «Кысь», опубликованного в 2000 году. Выявление и изучение в рассказе приемов сюжетосложения, мотивной структуры, поэтических средств выразительности – знаков, символов, имен позволяет говорить об особой художественной роли сказочно-мифологической мотивики в художественном мире романа Толстой. А также помогает приблизиться к пониманию идейно-эстетических, философских, концептуальных и поэтических аспектов творчества писательницы.

Ключевые слова: современная русская литература, сказка, миф, символ, мотив.

Abstract: Tatyana Tolstaya is one of the brightest representatives of contemporary Russian prose. The present article is a literary analysis of her 2000 novel, «Кысь». It focuses on the special artistic role that fairy-tale and myth motives play in her artistic worldview and sheds light on the various themes and devices (such as narrative structure and poetic speech) that Tolstaya employs to achieve this effect. The article also addresses the ideological-esthetic, philosophical, conceptual and poetic aspects that occur throughout Tolstaya's work.

Keywords: Modern Russian literature, fairy tale, myth, symbol, motif.

В творчестве Татьяны Толстой важную роль играет тема любви маленького человека, нашедшая свое отражение в таких рассказах, как «Река Оккервиль», «Милая Шура», «Соня» и т. д. Сюжетная канва романа «Кысь» концентрируется вокруг судьбы главного героя Бенедикта и его социальных отношений, которые включают испытания героя любовью. Интересной оказывается интерпретация любовной линии романа «Кысь» с точки зрения фольклорной мотивики.

Начало волшебной сказки, обозначенное В. Проппом как недостача, сохраняется на сюжетном уровне «Кыси» [1, 85]. Осознание недостачи в романе происходит следующим образом: Бенедикт теряет свое душевное равновесие, загорается тоской по красоте – Оленьке. Оленька – воплощение «русской красавицы» – «хороша девушка: глаза темные, коса русая, щеки <...>, брови – дугой» [2, 24]. «Оленька-душенька <...> желаю на тебе жениться! Будь моей хозяйшкой! Будем жить-поживать да добра наживать!» [2, 105].

Для достижения своей цели – красавицы Оленьки Бенедикт отправляется в путь. Композиция романа строится на пространственном перемещении героя – из своей избы в Терем Кудеяровых – из своего мира в чужой/иной. Путь Бенедикта в Терем Оленьки напоминает сказочное путешествие героя в «иное царство», которое мотивируется поисками невесты.

Дом, где обитает Оленька, особенный, он обособлен «с улицы не видать», окружен тремя заборами «забор высокий, глухой, островерхий». Знаковым оказывается число три, отсылающее к классической сказочной триаде – три преграды нужно преодолеть, три стражи (холопы, охраняющие вход), чтобы попасть в терем. Ворота с кольцом каменным – символический проход в царство мертвых. Окружен терем садом ««сад-палисад с деревьями да цветами, да всякими пристройками». Сад в «Кыси» становится эквивалентом леса, который в сказках окружает иное царство. Лес (в «Кыси» – сад) не совсем обычен, видно по его обитателям, видно по дому, который вдруг видит перед собой герой: «никогда он такого благолепия и богатства не видывал» [2, 147]. Дом, окруженный лесом, в романе приобретает глубокий символический смысл, выражая идею перехода из одного (срединного мира) другой (нижний мир), – мир предков, духов, мир, населенный мифическими персонажами. Упоминается тропинка (символ сказочной дороги), ведущая к Терему «тропки желтеньким песком усыпаны, а в глубине сада – терем» [2, 147].

Хозяином Терема (в «Кыси» Терем – эквивалент иного мира) является Кудеяр Кудеярович. Облик его отсылает читателя к образу сказочно-мифологического персонажа. В сказках властелин иного мира часто предстаёт в облике Кощея/Кашея, условно, можно говорить о Кошее как о прототипе персонажа «Кыси»: «Росту Кудеяр Ку-

© Е.А. Аверьянова, 2014

деярыч большого, али сказать, длинного. И шея у него длинная, а головка маленькая. Поверху головка вроде лысоватая, а окрай плечи – волос венчиком <...>. А бороды нет, один рот длинный, как палочка, и углы у него вроде как книзу загибаются <...>. А глаза у него круглые и желтые, и на дне глаз вроде как свет светится» [2, 147-148].

Несколько раз в тексте упоминается зловонный запах изо рта Кудеяра, который замечает и не переносит Бенедикт: «дышал нехорошим запахом изо рта», «тесть открыл рот и посмеялся как следует. Бенедикт отворотил голову: уж очень дух у него изо рта нехороший» [2, 214, 187]. Мотив запаха живых и мертвых в сказках широко распространен, восклицание Бабы Яги – «Русским духом пахнет!» интерпретируется как запах не «русского», а «живого» человека, который не переносят мертвецы. Также запах мертвых страшен и противен живым [3, 159]. К мифологическим характеристикам Кощея можно отнести и черты, свойственные животным: «ноги тестя в лаптях. А сквозь те лапти – когти, длинные такие, серые, острые» [2, 151-152]. Во многих сказках Кощей Бесмертный летает, подобно птице или вихрю, чем напоминает Змея Горыныча, причем его передвижения или появления вызывают бурные изменения в состоянии природы, так в «Кыси»: «красная конница бурей летит через город, и два столба света, светлая сила, исходят из тестевых глаз, освещая путь» [2, 211]. Можно отметить и «сверхъестественную» особенность Кудеяра становиться неслышным (невидимым): «Тесть подкрался бесшумно <...>. Видно, когти втянул <...> только по голосу да по вони слышно было, что, – да, тесть, Кудеяр Кудеярыч [2, с. 282]. Обычно функция Кощея в сказках – сторожить подземное царство, где спрятаны бесчисленные сокровища. Главное сокровище Кудяра – старопечатные книги «у меня цельная библиотека старопечатных», «вдоль стен все полки, полки, полки, а на полках-то все книги, книги, книги!» [2, 182, 188]. Все книги Кудеяра находятся под охраной, нужен к ним специальный доступ – разрешение хозяина.

В «ином мире» меняется облик у «русской красавицы» Оленьки. Она превращается в ведьму с когтями на ногах, синими лучами из глаз, Сирену: «глазища в пол-лица», «глядит в самую твою середку», «рот у ей, у Оленьки, красный, а сама белая», «от виденья от этого таковая жуть, будто не Оленька это, а сама Княжья Птица Паулин, да только не добрая, а словно она убила кого и рада» [2, 462].

Образы «сказочного» леса/сада и избушки/терема с одной стороны интерпретируются исследователями как вход в царство мертвых, с другой – отражение воспоминаний о лесе как

месте, где производился обряд инициации, где герой после ряда испытаний приобретает особые способности, материальные блага и новый статус. «Обряд посвящения непременно всегда производился в лесу или в кустарнике (в данном случае аналогом леса выступает сад). Лес же, согласно верованиям славян, традиционно приравнивался к потустороннему миру и противопоставлялся как территория «чужая» и «неосвоенная» «своему», «освоенному» дому. Лес давал возможность производить обряд тайно. Он скрывал мистерию» [3, 152].

Вступление Бенедикта в дом Кудеяровых можно интерпретировать как обряд инициации. Инициация представляет собой ритуальную смерть и последующее возрождение, переход на новую ступень развития. В «Кыси» Бенедикт чувствует грядущие неизбежные изменения в своей жизни, его страх перед новым, неизвестным сродни ощущению смертельной опасности: «На работу Бенедикт ходить бросил. А зачем? Все равно пропадать <...> На лежанке лежал. Плакал <...> Ржави выпил бочки три, хотел забыться» <...> Бежать хотел на юг или на восток <...>. Собрал котомку, а потом опять разобрал» [2, 152, 156]. Бенедикт проходит своего рода прощание со старой жизнью, с прежним собой, с непосвященным.

В «Кыси» мотив посвящения тесно связан со свадебным мотивом, который в классической волшебной сказке особо значим и зачастую заменяет мотив инициации. Важно отметить, что исторически инициация предшествовала свадьбе и что многие ритуальные символы свадьбы – результат трансформации инициационных символов [4, 53]. Согласно сказочному сюжету, Бенедикту необходимо пройти через брачные испытания, однако трудные задачи в романе теряют свой фантастический характер. «Мотив «трудных задач» – один из самых распространенных в сказке» [3, 75], но надо сказать, что «по вопросу о том, что такое «трудная задача», в литературе нет полной ясности, под «трудными задачами» будут подразумеваться только такие задачи, которые стоят в связи со сватовством» [3, 381].

Процесс сватовства Бенедикта в романе приобретает черты испытания – преодоление страха перед миром «потусторонним», миром чудовищ с когтями и горящими глазами: «жениться!.. Бенедикт чуть не забыл, – от страха <...> – что ему жениться надо. Жениться!» [2, 153] Традиционно в сказке трудные задачи – функция царевны. Однако в «Кыси» Оленька пассивна, она не испытывает Бенедикта и, не раздумывая, соглашается стать женой Бенедикта: «Предлагаю вам руку, сердце и пуденциал, – прошептал Бенедикт. – Беру, – прошептала и Оленька» [2, 113-114], «все уж промеж нами сговорено. Обнимайте зятя» [2, 154].

Бенедикт проходит через испытание у демониического хозяина Кудеяра в Тереме – ином мире. Отец Оленьки активен и предприимчив, поначалу выражает свою враждебность к зятю «не нашей он породы! – крикнул тесть» [2, 154]. Эпизод выпрашивания тестем Бенедикта носит не волшебный, а скорее прагматичный, бытовой характер: «Трудностей семейных не боитесь?», «а мыслей у вас каких неподходящих не водится?», «А не думается ли: вот женюсь, да тестя с тещей изведу, да сам себе все их добро и заберу?» [2, 151]. «В сказках наличие взрослой дочери и появление жениха представляют собой для старого царя смертельную опасность. Тесть и зять здесь исконные враги» [3, 410]. Кудеяр — это противник героя, без которого не могло бы состояться испытание, переводящее героя в новый этап его сказочного бытия.

Проходит герой испытание едой, точнее ее количеством. Пропп, рассматривая стороны загробного мира, останавливается на том, что «в ином мире никогда не прекращается обилие дичи» [3, 410]. В связи с этим обращает на себя внимание в «Кыси» наличие у Кудеяровых большого зверинца: «Живность всякая <...> Воробьятки, соловьятки в пироги хорошо» [2, 162]. Магическая власть над обилием животных сменяется просто обилием, готовым к употреблению. Здесь кроется источник представления о неисчерпаемом изобилии. Там, «в стране мертвых, никогда не прекращается еда» [3, 370]. Отсюда в «Кыси» преобладает мотив скатерти-самобранки, все бесчисленные яства в доме Кудеяровых появляются волшебным образом, по шучьему велению. Бенедикт видит здесь иную подачу еды, чем та, к которой он привык (мыши печеные, вереные), еда продолжается до бесконечности и принимает фантастические размеры: «Пирожки без счету, блины-оладьи, пампушки витые, кренделя», «гороху! а грибыши», «птички цельные», «туша мясная: никак, козляк!» [2, 148]. Интересно отметить, когда Бенедикт первый раз садится за стол в доме Кудеяровых, он еще не имеет права на свою долю еды: «Потянул руку к пирожку, и все на эту руку посмотрели. Отдернул» [2, 149-150]. Этот мотив встречается в сказках о братствах, так называемых «мужских домах», где пришелец не имеет своей доли еды, а ест от каждой понемножку, это говорит о том, что здесь едят коммуной [3, 203].

Еда никогда не носит замкнутый, обособленный характер, это не просто прием пищи,

но своеобразный ритуал, объединяющий и уравнивающий его участников. Общность еды создает общность рода. «Только члены семьи или рода могут участвовать в трапезе. Если чужеземцу разрешается принимать участие, то этим он принимается в род или становится под его защиту» [3, 410]. Сцена совместной трапезы Бенедикта и семьи Оленьки – брачный обряд и знак их объединения. Бенедикт, таким образом, становится не только мужем, но и приобретает новый статус в обществе – воцаряется. История Бенедикта носит отчетливо сказочный характер: «герой приходит в чужую землю, женится там на царевне, решив трудные задачи, и остается там царствовать» [3, 409]. Бенедикт уже не голубчик, а «царевич» – «на санях ездит», имеет в своем распоряжении все богатства «Бенедикт, получил в подарок коня-перерожденца, Тетерю. Вступление в новое объединение, также своего рода «посвящение», и связь его с инициацией несомненна. В этой связи воцарение Бенедикта сродни его «возрождению» в новом статусе: «Право, хорошо оно обернулося <...> Чего боялся? Ничего такого уж страшного» [2, 164].

Обыкновенно счастливый брак, который поднимает социальный статус героя, и является главной сказочной целью, а свадебный «пир на весь мир» с бесчисленными гостями и яствами знаменует конец сказки. В «Кыси» женитьба Бенедикта на прекрасной Оленьке условно становится финалом первой «сказочной» части романа и делит повествование на две части. Не случайной здесь оказывается отсылка в тексте на середину жизненного пути героя: «земную жизнь пройдя до половины» [2, 134]. Таким образом, Бенедикт оказывается перед выбором дальнейшего пути: духовного или физического, материального развития. Бенедикт выбирает второй путь, так свадьба становится его физической инициацией – взрослеет, становится мужем, получает статус, но лишь материальный.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пропп В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. – Л., 1928. – 159 с.
2. Толстая Т. Кысь / Т. Толстая. – М. : Эксмо, 2009. – 314 с.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000. – 509 с.
4. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе / Е.М. Мелетинский. – М., 2000. – 168 с.

*Аверьянова Екатерина Анатольевна. Соискатель ученой степени кандидата филологических наук. Кафедра истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: katarina_a-2@mail.ru*

*Averjanova Ekaterina Anatoljevna. Junior Researcher of the encyclopedic department of the Institute of philological studies, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: katarina_a-2@mail.ru*